

за свою власть хотя бы нескольких кадровых кубанских казачьих полков.

Генерал Гулыга получил отставку. 14(27) февраля В.Л. Покровский был назначен Командующим военными силами Кубани и тут же перевёл свой штаб в Екатеринодар. В командование отрядом в Выселках вступил полковник Ребдев²²⁰. Смена коней на переправе, как известно, ни к чему хорошему обычно не приводит. Замена командира посреди боевой операции против сильного, уверенного в себе, ни разу ещё не потрепанного противника явилась именно «переправой», закончившейся для екатеринодарского отряда катастрофой.

6.4.6. Звезда Сорокина. Выселки. Оставление Екатеринодара

После Энема и Афипской многие посчитали, что и под Тихорецкой всё так или иначе, раньше или позже, но сведётся к разгрому советских войск. При этом совершенно не учитывалось, что на этом направлении большевики располагали силами, качественно иными. Здесь вновь было *значительное* их численное превосходство²²¹. Но почти не было красногвардейских дружин, где рабочие впервые брали в руки трёхлинейки при их получении. Не было солдатских толп без погубленных предварительно командиров. А были крепко сколоченные отряды из фронтовиков и регулярные боевые части, бравшие в своё время Эрзерум и сохранившие, не растратившие ещё часть офицеров и дисциплину. И был штаб 39-й дивизии в

²²⁰ В. Леонтович подчёркивает, Ребдев был назначен начальником отряда «по предписанию Войскового штаба». Но, даже если это и так, назначение такого рода без ведома, одобрения, а, скорее всего, без личной рекомендации Покровского произведено быть не могло.

²²¹ О численности советских войск, сосредоточенных для боя под Выселками, трудно говорить что-либо определённое. Бойцов в Красную гвардию записалось много, не менее 15 тысяч. Но из-за неизжитых местечковых настроений, далеко не все приняли участие в контратаке на Выселки. Следует учесть, что и в Екатеринодарском отряде после притока новых добровольцев насчитывалось никак не меньше 1500-1800 бойцов. Во всяком случае, соотношение сил и средств в этот раз было даже более благоприятным для отряда, чем под Энемом или Афипской.

Тихорецкой, который разрабатывал и не такие операции²²².

Так или иначе, но Покровский, отказавшийся от немедленного наступления на Тихорецкую, до которой оставалось не более 30-40 километров, допустил серьёзный просчёт. Выселковский полк, оседлавший железную дорогу на дальних подступах к Тихорецкой, продолжал увеличивать свой численный состав. В него вливались как отдельные казаки и крестьяне близлежащих станиц, Алексеевской, Новодонецкой, Александро-Невской, так и боевые группы. Вооружения в арсеналах 39-й дивизии хватало на всех. Вскоре полк насчитывал в своём составе до 4-5 тысяч штыков и сабель. Любопытно, что от него отпочковались как самостоятельные единицы также численно выросшие в разы конные отряды Г.И. Мироненко и И.А. Кочубея.

Едва ли не ключевым субъективным фактором оказалось прибытие отряда Сорокина²²³, о котором следует сказать особо.

²²² Не исключено, что и назначение Покровского Командующим было учтено в Тихорецкой при определении даты и времени атаки на Выселки. Предполагалось, и не без основания, что у многих был повод отметить повышение своего начальника.

²²³ Иван Лукич Сорокин, 1884 г.р., казак станицы Петропавловской, фельдшер по профессии, был в 1914 г. мобилизован и служил в 1-м Лабинском полку на Кавказском фронте. По личной просьбе в 1916 г. был направлен в 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, где и получил офицерский чин. Как свидетельствует И.П. Борисенко, по возвращении в полк прапорщик Сорокин превратил свою квартиру в место сборищ офицерской молодёжи. В картах Сорокину неизменно везло. При этом уже тогда сослуживцы отмечали его властный, вспыльчивый и злопамятный характер. Февраль 17-го года Сорокин встретил в чине сотника. Сразу же записался в эсеры. Среди казаков пользовался уважением, был популярен. В мае 1917 г. на окружном съезде исполкомов в Гасан-Кале одно время был членом президиума. Находясь на отдыхе со своей сотней, расквартированной неподалёку, по сути, обеспечил вооружённую охрану Съезда. Получив приказание командира явиться на соединение с полком в Эрзерум, выполнить его отказался. За что позднее был арестован, но сразу же освобождён казаками. Летом 1917 г. попал с полком на Германский фронт.

Осенью на Съезде казачьих делегатов, собравшемся в Киеве, затем, переехавшем в Новочеркасск, входил вместе с Автономовым, Голубовым и другими в группу «левых», выступавших против инициатив Атаманской власти. После ареста Голубова и Автономова вынужден был бежать на Кубань.

В феврале 1918 г. в станице Петропавловской организовал отряд в 70-100 казаков, с которым ускоренным маршем проследовал через ст. Кавказскую на Тихорецкую. Там и тут к Сорокину, чьё имя уже тогда было известно на Куба-

Автономов был, безусловно, неглупым человеком, прекрасным оратором и неплохим по тем временам организатором, но для полководца первых месяцев гражданской войны этого было всё же недостаточно. Он никогда не оказывался в пределах боевой линии, но держался в некотором отдалении. Как в прямом смысле, так и в переносном. Не ходил с бойцами в атаки, поднимая в штыки залёгшие солдатские роты. Не скакал впереди всё сметающей на своём пути конной лавы. Не переживал вместе с частями радость побед и горечь поражений. И к тому же у современников складывалось впечатление некоторой его отстранённости от происходящих событий. Казалось, всё, хорошее или плохое, происходило само собой, без какого-либо участия командующего Юго-Восточной армией. Вероятно, многое складывалось не совсем так. Не исключено, что и совсем не так. Но внешне всё слишком уж подобным умозаключениям соответствовало.

К тому же, Антонов-Овсеенко, утвердивший Автономова на должности командующего, требовал от него сосредоточить усилия на Батайском направлении²²⁴, чтобы преградить Корнилову пути возможного отхода из Ростова и покончить с

ни, присоединялись как казаки, так и крестьяне-иногородние. В некоторых селах и станицах, где отряд останавливался на ночлег, к нему присоединялись сотни бойцов. Прибыв в Тихорецкую с отрядом численностью до 1200 штыков и сабель, Сорокин поступил в распоряжение Автономова. Тихорецкий ревком выделил ему воинское имущество и вооружение, включая даже несколько орудий, изъятое ранее у следовавших через станцию солдатских эшелонов.

Сорокин оказался волевым, требовательным командиром. Дисциплина в его отряде была железной. Впрочем, сам Сорокин в тылу не отсиживался. При необходимости всегда шёл в первых рядах. Не чужд ему был и талант военачальника. Все победы, одержанные советскими отрядами над войсками Краевого правительства на Тихорецком направлении, современники неизменно связывали с именем Сорокина.

²²⁴ Тем не менее, едва Ростов был занят, Антонов-Овсеенко потребовал сосредоточить все усилия Юго-Восточной армии на Екатеринодаре. 15(28) февраля он телеграфировал Автономову: «Командование над революционными частями, действующими в районе Сосыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправьтесь в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Великокняжеская – Тихорецкая – Ставрополь, для подготовки наступления на Екатеринодар».

Добровольческой армией раз и навсегда. Руководить наступлением одновременно на двух стратегических направлениях Автономов не мог. И когда в первых числах февраля в Тихорецкую прибыл Сорокин, с которым они были давно знакомы и дружны, на которого можно было положиться²²⁵, Автономов тут же назначил его своим заместителем и, по сути, передал ему всю власть над войсками, нацеленными на Выселки и далее на Екатеринодар²²⁶.

И следует признать, Иван Лукич как командующий направлением оказался на своём месте. Всего того, что не хватало Автономову, у Сорокина было в избытке. Главное, были амбиции, честолюбие и безусловный магнетизм. Сорокин всегда оказывался на виду, нельзя было и представить, чтобы он оказался в стороне от событий. Сорокин умел идти до конца, умел воодушевить, а когда надо, и заставить, бойцов следовать за ним, рискуя под прицельным огнём добровольцев нарваться на верную смерть. Автономов, казалось, даже тяготился властью, упавшей ему в руки. Сорокин своего дальнейшего существования без власти не допускал²²⁷. Он жил ею и купался в лучах её славы...

²²⁵ По утверждению Борисенко Сорокин был женат на сестре Автономова. Впрочем, другие источники этого не подтверждают, говоря лишь, что Иван Лукич на фронте «близко сошёлся» с Екатериной Исидоровной Автономовой и чувства их были сердечными и искренними. О том, что отношения эти должным образом оформлены не были, косвенно свидетельствует и отсутствие информации о расторжении брака Сорокина с «законной» супругой Лидией Дмитриевной, с которой он венчался ещё в 1909 г. Этот эпизод безусловно интимного свойства приводится лишь в силу того, что позволяет лучше представить характер и степень доверительности отношений, сложившихся у Автономова с Сорокиным.

²²⁶ 15(28) февраля штаб Автономова стал в станице Кущёвской, хотя Батайск был занят советскими войсками ещё 1(14) февраля, Ростов – 11(24) февраля. Все, и друзья его, и недруги, в один голос утверждают: продвижением Тихорецко-Выселковской группировки к Екатеринодару фактически руководил именно Сорокин.

²²⁷ В то же время отдельные эпизоды заставляют предположить, что Сорокин был человеком куда более многогранным, чем это принято считать. Полковник Ф. Елисеев, с которым судьба сводила Сорокина трижды, описывает их последнюю встречу, происшедшую на вокзале хутора Романовского в последних числах января 1918 г. Поезд Сорокина, уже признанного «командующего» одного из крупных отрядов, прибыл на станцию. Елисеев вовсе не стремившийся возобновить знакомство, попытался незаметно удалиться, но

И.Л. Сорокин

Благоприятным для большевиков оказалось и совпадение по времени. Именно к этому моменту у них на Тихорецком направлении руки оказались развязанными. Добровольцы оставили Ростов, и продвижения их на Тихорецкую с этого направления можно было не опасаться²²⁸. Время боёв с Добровольческой армией ещё не подошло, Корнилов медленно продвигался по Задонью *далеко в стороне*.

Приняв командование, Сорокин сосредоточил под Выселками все почти наличные силы. В помощь Выселковскому полку, ставшему ядром группы, были направлены отряд железнодорожных мастерских станции Тихорецкая, два батальона 154-го Дербентского полка и, наконец, 10(23) февраля отряд самого Сорокина.

Сорокин его опознал. «Задержал» для разговора в телеграфной и без обиняков предложил перейти на службу в его штаб. Елисеев сдержанно отказался.

– Да. Я вас понимаю... – после некоторой паузы ответил Сорокин. – И отпускаю...

«Я не растерялся от этого диалога, – вспоминал позже Елисеев, – но вот не помню, как я вышел из телеграфного отделения, конечно, без пожатия руки с его стороны; но когда вышел из здания, я взял вожжи и тронул коней во всю их мощь аллюра рысью по главной Романовской улице, чтобы выскочить из этого гнезда красных. Не может быть сомнения, что Сорокин мог меня арестовать и заставить работать в его красном штабе, в его шикарном поезде пульмановских вагонов, но в данном случае в нём сказались его интеллигентность, возможно, и сознание, что он – сам кубанский офицер – делает насилие над своей же Кубанью, а главное, как я думаю, была благодарность, что я удержал от скандала с ним нашего корнета Чумакова в Кыгызмане в декабре 1915 года (Елисеев, будучи тогда адъютантом 1-го Кавказского полка предотвратил в одной из местных гостиниц весьма неприятную стычку, зачинщиком которой был отнюдь не командир сотни 3-го Линейного полка прапорщик Сорокин).

...Больше я его не видел. Мы были на разных полюсах гражданской войны. К сему нужно добавить, что добрые дела людей – не забываются».

²²⁸ В Батайск и далее к югу выдвигался для охраны коммуникаций отряд Д.П. Жлобы.

Все эти приготовления для командиров Екатеринодарского отряда в Выселках остались незамеченными. Через несколько дней наступила развязка.

Вот как со слов очевидцев описывает произошедшую в ночь на 16 февраля (1 марта) катастрофу и её последствия В. Леонтович²²⁹:

«Лёгкость взгляда на противника, отсутствие распорядительности и бдительности, вино, широко лившееся в штабных вагонах, – всё это было причиной того катастрофического отката от Выселок, который явился следствием ночного нападения большевиков на наш отряд.

Выселки были началом конца. Эта первая крупная неудача окончательно изменила настроение казаков, подорвала дух добровольцев и веру их в свои силы.

По Екатеринодару ползли зловещие слухи: Выселки – пропиты, сданы без боя. Громко назывались имена виновников и порождали злобу и тревогу среди обывателей.

Тыл панически заволновался. С большими трудами налаженное дело снабжения, санитарная часть, общественная помощь, – всё это утратило бодрость работы. Только соображения о личном спасении, куда уходить, как оберечь себя на случай прихода большевиков, доминировали у всех над чувством долга.

...то, что мне пришлось выслушать от прибывших на следующий день в Екатеринодар раненых и командированных из отряда, поистине рисовало картину преступного попустительства со стороны лиц, на обязанности которых лежало принятие мер разведки и непосредственного охранения, диктуемых элементарными требованиями устава и близостью противника, к тому же сильного.

На Тихорецком направлении с нами дрались части 39-й пехотной дивизии. Эти войска в достаточной мере сохранили свою боеспособность, материальную часть, и в их рядах было немало офицеров.

²²⁹ Сам он находился при Покровском в Екатеринодаре.

Отряд был застигнут врасплох. Красные зашли в тыл²³⁰, подорвали железнодорожное полотно и стремительным ночным налётом ворвались на станцию и примыкавшую к ней станицу.

Отряд спал... Штаб бездействовал.

Много славных добровольцев легло под Выселками, много было взято в плен²³¹; большевикам досталась богатая добыча...»

Говорить о руководстве ночным боем ввиду внезапности и стремительности нападения не приходится. Отступление проходило также неорганизованно. Ввиду неразберихи, неизбежной паники и подрыва путей за спиной эшелоны с имуществом, вооружением и боеприпасами остались на станции и были потеряны безвозвратно. Также было брошено немало орудий и пулемётов.

В номере от 16 февраля (1 марта) Тихорецкой газеты «Рабочий путь» было опубликовано следующее сообщение:

«Сегодня утром в 9 часов 30 минут нами заняты Выселки. Кадеты разбиты наголову. Мелкие остатки бежали в ст. Кореновскую. Нами взято шесть полевых орудий, большое количество пулемётов, четыре паровоза и три состава вагонов.

Подробности всего взятого ещё не выяснены.

Командующий армией Сорокин»

Тем не менее, многие добровольцы сумели вырваться из окружения и отошли вдоль железнодорожных путей. На утро В.Л. Покровский выехал к бывшему своему отряду. Он привёл в относительный порядок отступившие части и организовал оборону на ближайшем к Выселкам разъезде Козырьки. Полковник Ребдев был смещён с должности, командиром отряда Покровский назначил начальника артиллерии капитана Никитина.

²³⁰ По свидетельству П. Сулятицкого обходное движение осуществлялось под командованием сотника С.Д. Одаряка, будущего командира так называемой «Кубанской отдельной армии».

²³¹ Что опять же косвенно свидетельствует, как о дисциплине, не утраченной ещё солдатами 39-й дивизии, так и о наличии офицеров в их рядах. В иных обстоятельствах о многочисленных пленных не могло быть и речи.

Потери, в том числе и людские, оказались значительными. К тому же большая часть мобилизованных в близлежащих станицах казаков, пользуясь случаем и утратив веру в благополучный исход дальнейшей борьбы, поспешила разойтись по домам. Почти прекратился и приток новых добровольцев. Утрата боевого духа и незащищённость растянутых коммуникаций заставили Покровского отвести отряд ближе к Екатеринодару. Что вынудило к отходу и Лесивицкого, которому наступающие от Тихорецкой большевики заходили во фланг и тыл. Оставляя станцию за станцией, он постепенно подавался к городу²³². Вслед за отступающими правительственными отрядами всё ближе подходили к Екатеринодару советские войска.

Почти без боя заняв Кореновскую и Платнировскую, они остановились в станице Пластуновской. Тут Сорокин получил известие, что в тыл его группировке выходит от Новолеушковской Добровольческая армия. Был собран совет командиров частей и отрядов, на котором обсуждали один вопрос.

– Что будем делать? – обратился командующий к собравшимся. – Идти вперёд или, развернувшись, – назад, чтобы одним мощным ударом разгромить «корниловцев», а потом уже двигаться на Екатеринодар?

Единогласно принято было единственно верное решение: занять как можно скорее Екатеринодар, а затем уже выступить навстречу Корнилову²³³. Следует признать, Сорокин не сомневался в успехе. Не сомневались и его командиры. А главное, верили и в себя, и в свои, успевшие почувствовать вкус победы, части, и в его счастливую звезду. И действительно, с первых боёв военное счастье было с Сорокиным неразлучно. Казалось, иначе и быть не может...

Совершенно иное настроение было в Екатеринодаре. 22 февраля (7 марта) в Атаманском дворце, на котором присутствовали сам Атаман, председатель Правительства Л.Л. Быч, пред-

²³² Усть-Лабинская была оставлена полковником Лесивицким 22 февраля (7 марта).

²³³ Пойди Сорокин навстречу Корнилову до занятия Екатеринодара, скрыть это было бы невозможно. И ушёл бы в этих условиях из города Кубанский отряд, ещё неизвестно.

седатель Рады Н.С. Рябовол, Командующий В.Л. Покровский, чины Войскового штаба, члены Правительства и Рады²³⁴. Присутствовавшие сошлись во мнении, что удерживать Екатеринодар в созданных условиях невозможно, да и бессмысленно. Поэтому обсуждался лишь маршрут отхода и время выступления. Принято было решение уходить вдоль Главного Кавказского хребта в направлении на Баталпашинск²³⁵. Подразумевалось при этом, что, соединившись в единое целое, отступавшие с разных направлений к Екатеринодару отряды будут достаточно сильны, чтобы пресечь возможное преследование. А рейд позволит мобилизовать казаков, расположенных по ходу движения станиц и в перспективе продолжить борьбу. Дату эвакуации должен был определить лично Командующий в зависимости от положения на фронтах. Войсковой штаб с этого момента переходил на положение полевого штаба при Командующем и немедленно приступал к разработке деталей эвакуации²³⁶.

Видимо, Покровский всё же не терял ещё надежды переломить ситуацию. Однако сделать это без притока подкреплений было невозможно. Энтузиазм, боевой дух Энема были утрачены окончательно и бесповоротно. «Добровольцы, – пишет К.Н. Николаев, – уставшие морально и физически, не имея тёплой одежды, не пополняемые при потерях, не могли противостоять большевикам, к которым прибывали свежие силы во много раз превосходившие наши слабые отряды». 25 февраля (10 марта) Командующий созвал в здании 1-го Реального училища собрание *всех офицеров* Екатеринодарского гарнизона. После короткой речи, в которой он обрисовал критическое положение, сложившееся под городом, Покровский *приказал* собравшимся составить сотни и немедленно выдвигаться на фронт. В результате около половины мобилизованных всё же добре-

²³⁴ Присутствовали также К.Л. Бардиж и представитель Добровольческой армии генерал И.Г. Эрдели.

²³⁵ Ныне Черкесск – столица Карачаево-Черкесской Республики.

²³⁶ Уже за несколько дней до оставления Екатеринодара на ближайший к городу железнодорожный пост «Кубань», расположенный по маршруту будущего отхода, были свезены запасы провианта, артиллерийское и интендантское имущество. Семьи офицеров, больные и гражданские, не желающие оставаться в городе, направлялись в аул Тахтамукай.

ли до позиций и влились в ряды защитников Екатеринодара.

Положение представлялось совершенно безнадежным, но в этот же день в город сумел пробраться офицер-доброволец, посланный Корниловым для установления связи с Краевым правительством. Он сразу же стал убеждать кубанские власти не оставлять город, заверяя, что Добровольческая армия идет к Екатеринодару, «и теперь уже должна быть недалеко». Однако к его словам и к нему самому отнеслись с настороженностью, скорее даже с подозрением. Д.Е. Скобцов объясняет это тем, что «...всё, что происходило за роковой чертой, обозначенной на карте фронтом, бралось под подозрение. Брались под подозрение и люди, приходившие оттуда».

Думается, причины устойчивого недоверия, как к Корниловскому офицеру, так и к Добровольческой армии в целом, имели куда более глубокие корни. Тот же Скобцов упоминает о следующем случае. На одном из заседаний продолжающей работу Рады лидер кубано-украинской «спилки» Бескровный, выступая на частном совещании казачьей фракции, предложил «оставить все надежды на Россию и теперь же направить энергию на искание связей с Украиной, которая по их сведениям, сумела выйти из беды, избрав друзей в лице сильных немцев». Предложение повергло присутствующих в шок, и в итоге Бескровный своё предложение снял.

Но позже выяснилось, что его выступление было не случайным единичным актом, а отголоском вполне конкретных шагов, предпринятых и разработанных на самом верху, по-видимому, даже и без ведома некоторых членов Правительства. Насколько далеко всё это продвинулось, судить трудно. Вероятно, дальше обмена мнениями дело не пошло. Однако, любопытный факт, позднее в руки Скобцова попал директивный циркуляр, направленный Министерством просвещения УНР в адрес Екатеринодарского ремесленного училища, судя по тону которого Кубань уже рассматривалась Киевом, как входящая в состав Украины. Так или иначе, но катастрофическое положение на фронте и скорая эвакуация Екатеринодара, вскоре пресекли эти «начинания» в зародыше.

Сам Филимонов позже писал: «Удержаться в Екатеринодаре до

соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необъединённых ещё тогда банд большевиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы сигналом к присоединению к Кубанской Армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию».

Трудно сказать, много ли казаков занимали к этому времени «выжидательную позицию», но что Добровольческой армии действовать было бы куда проще, оставь за собой Краевая Рада столицу Кубани, думается, доказывать не надо. Имея в тылу такую базу, как Екатеринодар, Корнилов тут же выступил громить рассредоточенного по разным направлениям противника по частям. И если уж ему удавалось отбрасывать советские отряды, находясь в оперативном окружении, то в куда более благоприятных условиях шансы на успех у добровольцев были бы, во всяком случае, не меньшими.

Одна, две громких победы, связанные с именем Корнилова, и, как знать, чем бы всё закончилось. Впрочем, убеждён, большинство казаков не поднялось бы и в этом случае. Выступили они куда позже. И не столько потому, что добровольцы вновь появились на Кубани, сколько, испытав на себе все эксцессы только лишь оформлявшейся, весьма специфичной, особенно, на начальном этапе, Советской власти. И в этом смысле, для постепенного отхода казачества от позиции «нейтралитета» куда больше, нежели покойный Корнилов, сделали люди, типа комиссара Никитенко²³⁷.

Но всё это домыслы. События, как мы их знаем, свершаются лишь раз, и ничего уже не переиграешь. Решение оставить Екатеринодар осталось в итоге неизменным.

Вскоре большевики на Тихорецком направлении предприняли новые атаки и глубоким охватом вынудили бывших «покровцев» отойти к разъезду Лорис, расположенному в непосредственной близости от Екатеринодара. Покровский приказал всем отрядам незаметно сняться с позиций и идти в город. К 6

²³⁷ А пока что наблюдались примеры прямо противоположные. Так ещё 11(24) февраля, до Выселок, общее собрание станицы Троицкой постановило послать делегатов «к советским войскам» с приглашением занять станицу. И таких обращений было немало.

часам вечера 28 апреля (13 марта) части стали подтягиваться к сборному пункту, площади перед Дворцом Войскового атамана.

В ночь на 1(14) марта войска, пожелавшие эвакуироваться под их прикрытием гражданские, Атаман, Правительство и Рада²³⁸ оставили Екатеринодар. Последним в два часа ночи проследовал через станцию и железнодорожный мост через Кубань бронепоезд. Днём на разъезд Лорис Городская Дума выслала делегатов, которые сообщили Сорокину, что Екатеринодар сдан без боя.

В течение 1(14) марта вышедшая из города колонна, сделав короткий привал в ауле Тахтамукай, сосредоточилась в ауле Шенджий. Здесь отряд, получивший наименование Кубанского, был реорганизован в следующем составе:

- 1-й стрелковый полк под командованием подполковника В.М. Туненберга²³⁹ (1200 штыков, из них офицеров – 700, юнкеров – 400²⁴⁰, казаков – 100; при полку пулемётная команда – 4 пулемёта, 60 человек прислуги);

²³⁸ Членам Рады было предложено прибыть вечером во двор Кубанского войскового реального училища. Большинство иногородних членов Рады на сборный пункт не прибыли. Не прибыл и член Правительства С.Г. Турутин. Зато ушли с отрядом все члены Кубанского комитета защиты Учредительного Собрания, Городской голова с председателем Городской думы и прибывшие незадолго до этого из Петрограда члены Союза казачьих войск. Ушёл и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко.

Всего вышло в поход до 50 членов Рады, что, между прочим, составляло курум Законодательной (малой) Рады.

²³⁹ Вслед за Покровским штабс-капитан Туненберг был произведён в подполковники.

²⁴⁰ В основном это были юнкера Киевского военного училища. История их появления в Екатеринодаре такова. Уже 27 октября 1917 г. две роты училища в Киеве вели уличные бои с большевиками. Понеся большие потери, вынуждены были отступить в здание училища, которое обороняли четверо суток вместе с Корниловским ударным полком. 1 ноября роты училища перешли в здание Владимирского кадетского корпуса, однако к этому времени борьба уже закончилась. 5 ноября училище выехало из Киева в Екатеринодар. 13 ноября в город прибыли начальник училища генерал Калачёв, 25 офицеров (в их числе штабс-капитан Туненберг) и 131 юнкер. Училище составило отдельную часть, подчинявшуюся непосредственно Атаману Филимонову. 1 декабря его приказом было переименовано в Константиновское военное училище. С 21 января отдельными подразделениями вышло на патрулирование участка железной дороги от Екатеринодара до Кавказской. В состав 1-го стрелкового полка офицеры и прапорщники училища вошли полусотней 3-й сотни. Штаб училища вошёл в штаб полка.

- Черкесский полк под командованием полковника Султан-Килеч-Гирея из двух конных сотен (всего до 600 сабель при четырёх пулемётах);
- конный отряд полковника Кузнецова²⁴¹ (до 100 сабель);
- конный отряд полковника Демяника (до 50 сабель);
- пластунский отряд полковника С.Г. Улагая (50 штыков и 50 сабель (из них 85 офицеров) при 2-х пулемётах);
- артиллерийская батарея есаула Ю.Ф. Корсуна (2 орудия, 10 человек прислуги);
- два отдельных артиллерийских взвода 2-х орудийного состава каждый;
- Кубанская пешая дружина полковника Образа (65 человек), выделенная для охраны вывезенных из Екатеринодара банковских ценностей²⁴².

Столица Кубани осталась за спиной. В воззвании, выпущенном за подписью Атамана, председателя Правительства и председателя Рады, в частности говорилось:

«...Мы не хотели допустить, чтобы жестокость большевистских банд, подогретая азартом борьбы, обрушилась бы на головы незащищенного населения...

Мы вышли из Екатеринодара. Но это не означает, что борьба кончена...

Мы вас звали к борьбе с анархией и позором, но вы, одуроченные красивыми, но лживыми словами фанатиков и продажных людей, вы не дали нам надлежащей поддержки...

Мы знаем, что вы скоро поймёте свою ошибку... Тогда идите в наши отряды...Общими усилиями мы победим... насильников и вернём свободу для всех граждан Кубани».

Датировано обращение было 1(14) марта 1918 г.

²⁴¹ Вскоре Кузнецов, высланный с конной полусотней в разведку, утратил связь с главными силами и решил пробиваться самостоятельно. Между Туапсе и Сочи его отряд был атакован и рассеян. Кузнецова расстреляли. Пытался пройти в Грузию и Бардиж. 27 февраля (12 марта), за день до оставления Екатеринодара он ушёл с двумя сыновьями на Горячий Ключ. На лесной дороге у Архипо-Осиповки был узан красновардейцами, схвачен и 9(22) марта расстрелян вместе с сыновьями на Туапсинском молу.

²⁴² В последний момент председатель Правительства Л.Л. Быч реквизировал в Екатеринодарском банковском отделении всю наличность. Двуколки с серебряной разменной монетой и охраняли дружинники.